

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЧРЕЗОВЫЧАЙНЕ ✓ ЗОМ
АЛЧУНОСТЬ ✓ МЕНТ
ПРАВДАНОСТЬ ГОЛНИК
ПОХОТЬ ✓ ИЛЛАНА
ГОРДОСТЬ ✓ ИЗВЫЖИТ
ЗАВЫСОТ ✓ ПОДРЫГА
ГНЕВ ✓ ВСЕ (МУСАН
И)

ГЛАВА I. ✓
ПОХОТЬ

Почта
Пароль: ishtvan

ХОЗЯИ
Поговорить
надаётся или

ДОЛЖНИК
НЕ
Ему радио, но
тогда только
использовать
их способность
из злости

КЛАНА ✓
Коллектор
разбор
- ХАТА

Классовый
Элитные
Антицивилизация
Мутренная

КАРКОТ
и этапы:
ДРУГ
Пакетник.
ОРАН
ХОЗЯИ.

Страницы в соцсетях
для аоик
подготовка фотоаппарата в селф
сердечки! Голоса, что за
блудаство?

Я из лесов аоик могу
сделать перестановку
- так же как из оооо
сердце?

ВЗЯТЬ ЧУЛ
и марушники
||

МУЗЫКАНТ
ЛИДЕР ГРУППЫ
(ТУГОСЛАВЬЕ)

13:00
напол, когда кто-то при
парово долей, а он
(карман. запас)

ПОСС
МУСАК

ТАК ЛЕЖЬ НАТИ
НА РЕПЕТИЦИЮ.
МОЖЕТ

ВЕРНУТЬСЯ?
ВАНД и ГО
ДВА АРОГА
ГОЛНИК

ДЕН

08:45
смазать уэль
сиропит

ВАНД и ГО
ДВА АРОГА
ГОЛНИК

ДЕН

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ
Страницы. ЕЗЕ
- когда? из горла
- сейчас! Втора
Топ поедать, спастись

ВАНД и ГО
ДВА АРОГА
ГОЛНИК

ДЕН

Денис Басацкий

ПОПОВИТ

Денис Басацкий Подвиг. Повесть в 7-ми актах. Похоть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55747593

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99878-0

Аннотация

«Если тебе предложат нечто совершенно непотребное, точно выходящее за рамки общественной морали, да настолько откровенно, что станет стыдно рассказать даже самой близкой подруге, то в котором часу ты согласишься?». Илона не имела ни шанса устоять перед личными демонами, толкающими её с головой в водоворот страсти и похоти. Девушка желала познать себя и свою сексуальность, давно утерянную в скучном браке, а осознав, с какой легкостью принимает приглашение малознакомого мужчины, окончательно уверовала в своё превосходство перед обществом – людьми, чьи страхи не дают им наслаждаться жизнью в полной мере. Содержит нецензурную брань.

Денис Басацкий

Подвиг. Повесть в 7-ми актах. Похоть

«Я никому ничего не должна, кроме того, чтобы быть желанной. И в своей погоне за счастьем буду делать то, что посчитаю нужным, вопреки мнению общества, что вряд ли догадывается о моем существовании».

Девушка открыла глаза в пустой квартире после рваного, беспокойного сна. Будильник истошно надрывался мерзостным сигналом, вопя и сигнализируя, что остался лишь последний шанс в очередной раз не опоздать на работу. Несколько минут она лежит неподвижно, таращась на брошенную вчерашнюю одежду на полу, затем переводит взгляд на грязную оконную раму, откуда пробиваются тусклые лучи осеннего солнца. Занавески медленно покачиваются в унисон порывов ветра, попадающих в квартиру через открытую форточку, раздражая своей беспечностью. Их в отличие от девушки, ничего не беспокоит, хотя и Илону нельзя назвать самым ответственным в мире человеком. Тот же фикусный горшок давно превратился в погост из опавших листьев, а подоконник и прилегающая к нему стена хранят на себе отпечатки грязных водянистых подтеков от того, что девушка никак не может высчитать оптимальное количество воды

при поливе. Вечный перебор, когда одиннадцать и туз портят удачный расклад в карточном «двадцать одно», а цветочная земля размазывается по обоям. Да и черт с ним, ей никогда не нравился подаренный мамой цветок, как и еженедельное вранье о его великолепном состоянии в телефонных разговорах.

«Как же я ненавижу вот это всё. Нужно снова вставать. Бесит».

Илона ненавистно скинула с себя теплое одеяло – последний сдерживающий рубеж между уютной беззаботностью и суровой ежедневной реальностью, мощно орудуя ногами. Наконец, она осталась совершенно незащищенной. В одних трусиках с лазурным бантиком на боку. По телу промчался цыганский табор из мурашек, кожу закололи тысячи мелких арабских сабель, а соски окаменели от такой неожиданной наглости, да так, что пришлось аккуратную «двоечку» зажимать ладонями и в спешном порядке бежать в ванную комнату. В коридоре девушка обязательно запнется о разбросанную пару замшевых сапог, купленных по скидке в прошлом месяце, больно ударяясь мизинцем и проклиная все на свете. В том числе свою неисправимую неряшливость, полученную в наследство от отца и лично прокаченную до высшего уровня за годы бурной юности. Сейчас ей тридцать, и стало быть, уже должно произойти хоть какое-то становление во взрослую личность, но сознание до сих пор находится на уровне школьной истерики с соседкой по парте от алгебраического

многочлена. Великая «шутейка» поколений всяя Руси.

Любимые девичьи процедуры пришлось значительно сократить, ибо долгое нахождение в ванной сулило выговором и потерей премии, но все же с головой требовалось что-то решать, так как на третий день без шампуня густые черные волосы превратились в строительную марлю. Илона наспех приняла душ, замоталась в полотенце и обильно нанесла жидкий бальзам на пряди, желая создать подобие объёмной причёски из модных показов на ковровых дорожках. Получалось скверно, но сегодня не до излишеств. Свои точечные скулы она слегка потеряла пудрой, овальным губам досталась помада с блеском, а пышные ресницы имели собственный насыщенный цвет, что существенно сокращало прибыль компании «лореаль». Завершить образ роковой офисной леди выпало консилеру, а карандаш для бровей оказался крайне нужным, чтобы получились две черные точки под нижними веками бирюзовых глаз. Илона еще не до конца уверена, что они ей действительно нужны, ранее всякий раз стирая их до выхода из дома, но быть может, сегодня именно тот день, чтобы наконец решиться? К тому же, рисованные метки не столь вызывающе выглядят, как, например, леопардовая ткань платья на заднице начальницы отдела кол-центра банка. Илона только свыклась с мыслью, что подобные гардеробные изыски давно сгинули в недрах пыльных ящиков, а общественность перестала потешаться над редкими отчаянными владелицами пятнистых нарядов, как по взмаху

волшебной палочки, леопардовый фасон вновь появился на авансцене. Есть в этом что-то мистическое, загадочное, даже необъяснимое, если угодно. Почему какие-то люди решают за нас, что нам носить и как выглядеть? И если не соответствуешь тренду, то непременно достоин получать порицание и невозможность находиться там, где тебе хочется. Да даже на проклятой работе в обязательном порядке требуют белый верх и черный низ, от изысканности цветовых решений которых, тошнит и всячески воротит. Илона не уверена, что если бы не существовало корпоративной этики и дресс-кода, то ей бы обязательно захотелось приходить на работу в костюме кукурузного початка, но и невозможность выбора сильно угнетало ее женскую натуру. Больше всего на свете она мечтала возглавить свой отдел, желательно не прикладывая усилий, и навсегда избавиться от надоедливой леопардовой персоны. И ходить в чём хочется.

На кухонном столе стыл недоеденный ужин из полуфабрикатной трески с пресным пюре из брокколи и пустая бутылка красного сухого. Вторая бутылка пряталась от посторонних глаз за деревянными ножками стола, как бы имея в своем кармане неоспоримый козырь – «попробуйте доказать, что я именно вчерашняя, может здесь с прошлых праздников стою?». Но нет, выпита она именно за ужином, а когда девушке показалось мало, на выручку поспешила еще одна виноградная подружка. И явно стала лишней, ведь теперь

к вечному недосыпу добавились еще и похмельные увечья. Илона всегда так делала – прятала бонусные тары под стол, чтобы не наткнуться на них ненароком и не давать шанса совести кричать о наступающем одиноком алкоголизме. Закинув кухонную утварь в посудомоечную машину, девушка намолочила зерновой арабики, и выждав положенного времени готовности в кофейной турке, уселась с чашкой в кресло. Непременно поджав ноги под себя. Последние часы домашнего уюта перед пятничным рабочим рывком и можно будет вдоволь расслабиться на дискотеке. Мобильник радостно заурчал.

Обычно, девушка не страдала от своего одиночества. У нее атрофировалась потребность в мужском внимании на фоне бесконечного потока «дикпиков» в личных сообщениях. Даже существовала любимая шутка, что если так пойдет и дальше, то Илона станет дипломированным урологом в области виртуальных мужских писюнов. Возможно раньше, она бы смутилась увиденным презентациям человеческого слабоумия, непременно окрасив свои щеки красной краской. Теперь же на нее нападала неимоверная скука. «Ладно, мальчик, ты убедил, что имеешь первичные признаки мужчины, дальше то что? Познакомишь меня со своей мамой и станешь забывать наши даты, оправдываясь завалом на работе?» Но нет, диалоги не клеились, время бездарно тратилось, а никого более-менее адекватного не находилось. Только лишь до вчерашнего вечера, когда симпатичный паренек

оценил ее фото в купальнике, дерзким «я бы отшлепал такую курочку». Предложение, максимально заряженное на свидетельство лишней хромосомы у автора и вечную блокировку контакта. Еще и кольцо на безымянном, фотографии семейных торжеств, дети и прочая дикость от человека, ищущего удовлетворения собственной похоти.

Никогда подобного цинизма Илона не принимала. Ты живешь с самым близким человеком, то есть с женой, и не можешь ей прямо рассказать о своих тайных желаниях, пусть даже и не совсем адекватных. Какой тогда смысл в институте брака? Обязательно жениться, чтобы соседи не роптали, что раз ты одинок, то непременно бракован? Тема собственного замужества еще больно бредило сердце девушки, раны кровоточили и выли, а будущий развод вгонял в депрессию. «Я не такая, как все. Не сохранила очаг, не сделала счастливым мужа, не нарожала потомство. Бестолочь». Но сегодня все терзания закончатся. Назначенный на тринадцать сорок пять суд расставит все по своим местам, и вернет Илоне собственную жизнь. И снова обратит ее в девчушку по фамилии Курочкина с надеждами на новый жизненный этап, полный счастья и эмоций, чуждых ей раньше в семейном быту.

Она познакомилась с ним на школьной дискотеке. Илона только что закончила десятый класс, сдала пробные экзамены на твердые четверки и всю отрывалась с подружками. Вадик же, наоборот, уже отучился в техникуме на сварщика, поработал некоторое время в Москве и вернулся в родные

пенаты. Красивый, взрослый, опытный. У девичьего сердечка не имелось других вариантов, как не влюбиться. Сразу же и без прелюдий. Пара кружилась в медленном танце, парень крепко сжимал ее бедра руками, а Илона молила, чтобы та музыка никогда не заканчивалась. Сиюминутная бесконечность. А как он играл на гитаре для нее – «ах, богоподобное зрелище». Девушку прям-таки шарашило током, когда парень своими тонкими пальцами перебирал медные струны, прижимая лады к самому сердцу. Так все у ребят и завертелось. Сначала робкие поцелуи за стенами дома культуры, затем краткосрочные встречи на поселковых мероприятиях, а потом и вовсе, первые ночевки в квартире, когда его родители уходили в ночную смену. Он был для нее всем, смыслом ее начинающейся жизни. Первым и единственным мужчиной. И девушка ему беспрекословно верила, принимая каждое слово за истину последней инстанции.

И даже когда прошел год после ее школьного выпускного, а обещанного переезда в столицу так и не наступило, Илона продолжала верить. В его рассказы о непомерном успехе, перспективности, постоянные «разъезды по делам» без записи в трудовой книжке и прочем таком, чем принято закладывать рот женщине, сидя на диване с бутылкой дешевого светлого. И никаких реальных действий, пусть самых мизерных, чтобы подкрепить свои слова хоть какой-то активностью. Только лишь ежедневное гитарное бречанье, которое, к слову, изрядно приелось. Они жили в одной квартире, в

одной координатной плоскости, касались общих предметов и изредка упоминали совместное будущее, но существовали совершенно в разных мирах. Илона стремительно выросла, напитывалась новой информацией и заводила увлечения, не связанные с человеком, казавшимся ранее незаменимым. В итоге осознав, что та искомая величина счастья, так тщательно выдумалась ее сознанием – глупейшая ошибка молодости.

И как только девушка смирилась с рационом ежедневно-го распития, кошками и общественным порицанием, тут же случайным образом появился тот ночной нахал с непотребным предложением ее «наказать». Отсыпать смачных пощёчин по лицу и телу, грубо взять за горло и сдавливать, что есть сил, не разжимая хватку тех пор, пока не выступят багрово-алые рубцы. «Что за вздор, какое-то полнейшее безумие». Ответив, что мужчина обратился совсем не по адресу, Илона бросила мобильник на кухонный стол, опустошила бокал, и тут же, с присущем ей любопытством, обновила диалог, ожидая дальнейшего развития истории. Было в этом предложении и образе добропорядочного семьянина что-то вызывающе сексуальное. Чистое возбуждение, когда не можешь думать ни о чем другом, пока не удовлетворишь свой интерес. Будто откровение, что так вовремя снизошло с небес на дурную головушку.

«Так совершенно точно нельзя, но, если попробовать,

быть может – это именно то, что мне так необходимо?». Хотя бы только лишь пообщаться по теме, раз выдался подобный шанс, не планируя личную встречу и весь тот набор первой доминантной необходимости, что в красках описывали черные буквочки. Да и женское воздержание, отметившее в этом месяце свой первый годичный юбилей, давило непосильным грузом отчаяния. Особенно, если учесть, что весь прошлый сексуальный опыт закончился на позе «лежачего в окопе солдата, прикрывающего своим телом боевого командира во время авиационной бомбардировки».

Илона едва заметила, как в течение следующей бутылки вина, она охотно делилась своими фантазиями с посторонним человеком, трепетно вчитываясь в его ответные сообщения и бесконечно генерируя детали их первой встречи. Оказалось, что парень не такой уж и отшибленный ублюдок, как могло показаться на первый взгляд. Он точно не любит калечить и унижать, а чужие мучения не доставляют ему истинного удовольствия. Скорее, мужчина являлся человеком, желающим поделиться новыми гранями наслаждения. Очень глубоким и чувственным парнем, умеющим вкусно преподнести то, что можно испытать лишь наедине с другим человеком. Нечто восхитительно запретное, что никак не обсудишь с подружкой за колбой дынного кальяна. Да и ни с кем другим не обговоришь. А в интернете дискутировать можно сколько угодно. Стало быть, неплохо основательно разобраться в вопросе доминирования и подчинения,

почитать специализированную литературу и уж потом, быть может, вернуться обратно к вопросу физических прелюбодеяний. С теми мыслями девушка и уснула прошлой ночью, крепко держа телефон в руке. И вот теперь, когда вчерашний контакт желает доброго утра, все-таки необходимо решить в первую очередь для себя. «Все что вчера думалось, писалось и фантазировалось – бабские пьяные загоны или реальность, где мне так необходимы эмоции?».

Наспех поблагодарив собеседника за утреннее внимание и пожелав успешного продолжения дня, девушка засобиралась на работу. Предстоял тяжелейший выбор между белоснежной блузой в мелкую строчку и дымчато-белой водолазкой с высоким горлом. Выбрала третье – кофту поверх блузы, ибо на глажку непослушной вискозы совсем не оставалось времени. Затянув на талии ремешок из искусственной кожи, Илона посмотрела на свое отражение в зеркале шкафа-купе. На нее смотрела уставшая тридцатилетняя женщина «стро-гого лука» с полным бардаком на голове. Ничего примечательного. Даже заинтересованному глазу зацепиться не за что, не говоря уже о том, чтобы отыскать в ней что-то от-личительно интересное. Богатство внутреннего мира разби-лось о скалы повседневности и затонуло на самом дне, а спа-сатели не торопились вылавливать несколько уцелевших мо-рячков из леденящих океанских вод. И хотя такой порядок вещей протекал довольно долго, что становилось привыч-

ным, все же сегодня был выброшен первый оранжевый спасательный круг. Малый, потертый от соли и песка, но такой жизненно нужный. Мужчина продолжал напирать, не желая заканчивать диалог, логически оконченный минут двадцать семь назад.

«Ты потрясающая женщина, хочу тебя видеть. Сегодня, после работы. Не надевай белья». И отправил адрес, скорее всего, съёмной квартиры в центре поселка. В сотне шагов от банковского отделения.

«Мы так не договаривались» и «мне нужно подумать» являлись вполне логичными ответами незнакомому человеку, но что-то внутренне пошло не так. Произошел какой-то сбой, загорелись чек-ошибки заводских настроек, а сигнальные огни сирены озарили квартирное пространство. И тут же металлический рычаг шумно зашел в пазы бронированного замка, шестеренки сделали пол-оборота по часовой стрелке, и могучая дверь закрылась, не оставляя возможности выбраться наружу. Предлагая лишь один вариант – медленно продвигаться на ощупь, вглубь таинственной пещеры. Илона вновь ощутила вчерашнее возбуждение, накатывающееся от страха перед неизвестностью, и стойкое желание согласиться на авантюру.

«Никто из моих знакомых девочек на такое точно не способен. Даже она.» – размышляла девушка, поднимая водолазку через правое плечо и освобождая руку, закатав ткань до самой макушки. Расстегнув двойную пару крючков, Ило-

на скинула бретельку, опустила водолазку на прежнее место и через рукав левой руки вытащила лифчик «пушاپ» наружу. «К черту его. И все прочие правила к черту». Улыбнувшись, девушка запрыгнула в лаковые туфельки на высоком каблуке, повозилась с завязками на щиколотках и вышла наружу, непременно обновив стершиеся точки под глазами карандашом. Набирая на ходу ответное сообщение – «посмотрим на твое поведение, плохой мальчишка».

Посёлок постепенно оживал. Работающее население гуськом спешило к трудовым местам повинностей, располагаясь в равных долях по обочинам единственной дороги, по которой проезжал редкий спецтранспорт. В сельпо уже успели завести утреннюю продукцию, так что в воздухе витал ароматный запах свежих печеных булок, соленых крендельков с маком и хлебных корочек, что так невыносимо хочется обглодать с краешка. Осенняя хандра настигла всякого жившего здесь, хотя и ярких поводов для веселья в остальные времена года у местных жителей не находилось. Все-таки жизнь в провинциальном городишке откладывает свой неизгладимый отпечаток на судьбах. Мало кому есть дело до других, самому бы продержаться и не упасть замертво, от стойкой и необратимой безысходности. Потому и люди здесь вечно недовольны, мрачны и крикливы, если случайно нарушишь их личное пространство.

Вот и сейчас женщина-почтальон безбожно материлась,

стараясь очистить проход в почтовое отделение от лежащего пьянчужки, забаррикадировавшего собой входную дверь. Особо не церемонясь, она интенсивно орудовала палкой, нанося хлесткие удары по хребту бедолаги, дополняя процесс экзекуции амплитудными пинками дерматиновых ботинок. Ее отличительную бестактность тоже можно понять – каждое утро одно и то же. Мужчина повадился спать на крыльце, то ли спасаясь от дождя, то ли вовсе разбил здесь свой протестный лагерь, только начать выдвигать требования не давала русская водочка. Наконец, возмутитель спокойствия воспрянул ото сна, совершенно точно охренительно удивился от происходящего с ним, и собрав все имеющиеся силы, перекатился на другой бок. Таким образом, чтобы освободить заветный путь к посылкам и квитанциям, а женщине большего и не требовалось. Она отворила запертую дверь, буркнула последнее проклятие и протиснула свое достаточно крупное тело в темноту помещения, оставляя закутившего мужчину в полном одиночестве. На что он непременно огорчился, затянув малознакомую другим песню о тишине, распростёртой душе и крестах, целиком покрытых золотом.

Главный административный пятак посёлка уже успели заполнить сотрудники здешних мануфактур, старательно втягивая в себя дозы предрабочего никотина и предвкушая пятничный загул. Они смаковали истории прошлых недель, когда обязательно кто-то совсем уж непотребно отличился и гадали на осенних лужах самое важное предположение. На-

ступит ли сегодня внебрачная связь, порочащая облик двух разных семей или вечерний променад так и закончится элегантным мордобоем? По крайней мере, прошлые выходные выдались совершенно удачными – произошло первое, а как следствие, и второе событие. Душевно. Еще бы не так старательно ломали ресторанный мебель, да не выносили бы двери и окна, так кто уж уследит за порядком, раз эмоции вырываются за рамки увеселительного периметра? У местных даже появилось поверье – если хозяин заново остекляет оконные рамы второго этажа накануне выходных, то жди беды. Непременно разнесут все в клочья, да компенсации не выплатят. Ну, а на что, собственно, он рассчитывает? И так дерет за выпивку втридорога, так еще и амортизацию не желает признавать. Или издержки профессии, ежели так удобней. Не обеднеет, в общем.

Илона торопилась. Ей совсем не хотелось выслушивать порцию нотаций за опоздание не только от начальницы, но и от коллеги, а по совместительству – единственной настоящей подруги. К слову, во всем ее опережающей. Миссис идеальность, само совершенное восхитительство, и, «пожалуй, Вам, Илона, стоит всячески брать со своей подруги пример». Удачный брак, двое детей, лучшие статистические показатели и перевыполнение плана по возвратам банковских ссуд. Да она настолько хороша, что нет в мире ничего такого, с чем бы подруга не справилась. И непременно на порядок лучше Илоны. Даже в той поселковой олимпиаде по живо-

писи, когда девушка выкрала картину подруги перед финалом, желая победить любыми доступными способами. Но та, сволочь такая, за сутки изваяла новый шедевр, отмеченный департаментом культуры района, как имеющий высокую художественную ценность. И в награду заполучила новенький электрочайник. С тех пор приходилось каждые выходные переться к ней в гости, пить чай и таращиться на акриловый апельсин в рамке, висевший на самом видном месте. Посему Илона всячески ненавидела чаепития и цитрусовые любых видов и формаций. На долгие – долгие годы.

Напротив банка, до которого оставалось идти меньше минуты, располагалось ветхое здание из белого кирпича. Дощатая крыша прохудилась от сырости и кое-где покрылась мхом, добавляя к обшарпанным стенам общий тон антуражных тюремных казематов. С одной стороны здания находилась дежурная часть с патрульно-постовой службой, участковыми, отделом уголовного розыска и оперативно-розыскной частью. С другой, единственный на шестьдесят три километра загс. «Властью, данной мне Российской Федерацией», сотрудники смежных учреждений исполняли свой служебный долг. Ловили, вязали руки и наказывали людей, каждый своим особым способом. С рьяными допросами и причинением тяжкого вреда здоровью. Особо лютовала тетя Марина, пережившая поселок полностью, гордо заявляя, что «без меня – семейная жизнь, как мышиная возня».хлопоты, ин-

триги и никакого совместного проживания, покуда не напишешь чистосердечное признание да не заверишь печатью в паспорте. Вот она, чистейшая поселковая монархия.

Начальником отдела полиции трудился Виктор Николаевич Безродный – седовласый полковник на «пенсионных сносях», лениво дослуживая свой отведенный срок. Дедушка был довольно честным и справедливым, но все чаще делегировал полномочия, проводя все свое время в теплице да на грядках, выращивая гигантские перцы и сибирские томаты. Поэтому законом и порядком в поселке рулила довольно одиозная личность – майор Носов. Его мало кто любил, еще меньше уважали, но все, как на подбор, боялись, не желая попадаться в поле его интересов. Было в нем нечто неприятное, даже совершенно пугающее в пристальном взгляде, а когда такие люди наделены властью, то не всякий способен справиться с открывающимися возможностями, чаще забывая о доблести и чести.

Так и сейчас, майор стоял в гордом одиночестве, подпирая спиной двери служебного «бобика» и внимательно изучал людей вокруг. Заметив его взор, честный люд менжевался, спешно бросал окурки и скрывался под сводами рабочих помещений. На всякий случай. Илона чувствовала, как майор сканирует ее тело, буквально впиваясь в каждую клеточку своими почерневшими щупальцами спрута. Она боялась поднять голову, чтобы ненароком не соприкоснуться с ледящим потоком, исходящим по ту сторону улицы. Не от-

рываясь от «пуш-уведомлений» телефона, девушка ускорила шаг и находилась почти у крыльца банка, как ей резко перегородили путь. Не ожидая возникшего препятствия, она со всего маха врезалась в парня, больно ударившись лбом. Это был Коля, близкий друг бывшего мужа.

– Нарушаем, гражданочка. Не соблюдаем скоростной режим.

– Тебе чего? – Илона недовольно потирала ушибленный лоб.

– Да так, всего лишь спросить о твоих планах?

Колю девушка тоже не очень любила. Уж слишком инфантильный, нахальный бездарь, к тому же, совсем не умеющий держать свои руки на расстоянии. Желательно в метрах тридцати двух от Илоны, а еще лучше в стенах заколоченного барака, где-нибудь за чертой другого города. Еще в отношениях с Вадиком, она заметила, что парень явно проявляет к ней нездоровый интерес, несмотря на пацанскую дружбу и прочее такое, что никоем образом нельзя предавать. Но бывший муж оказался тряпкой, так и не сумев постоять за свою женщину, частенько приговаривая, что «коль сука не захочет, кобель точно не запрыгнет». Беспросветный дебилизм. Так его обучила уличная романтика и поселковые разговорчики в перерывах между употреблением. Всего, что могло хоть как-то заменить всеобщую, повальную нереализованность. Так что приходилось отбиваться от назойливого внимания, впрочем, как и сейчас, своими силами. Девушка

пренебрежительно ответила.

– Отработать еще один поскудный день. О планах узнал, теперь мне можно пройти?

– Я имею ввиду после работы, пчёлка. Скучала по мне? Может наконец-то проведем вечерок – вечерочек вместе? – парень ехидно улыбался, доставая из кармана кипу мятых банкнот, перетянутых канцелярской резинкой. На вскидку, где-то тысяч пятнадцать мелкими купюрами, что для посёлка – неслыханное богатство.

– Деньги не проблема, ты же знаешь. – он попробовал приобнять Илону, закидывая руку на шею, тем самым проявляя нежность по местным канонам, но та довольно ловко увернулась.

– Если уж и наслаждаться пятничной свободой, то точно не с тобой. Другу привет. И свои фантики в кармашек обратно засунь, а то штанишки спадут.

Девушка избежала вынужденных объятий, протиснувшись мимо парня, и зацокала каблучками по лестнице, ведущей в отделение банка. Оказавшись в безопасности, она с облегчением выдохнула, пытаясь совладать с выступившей, как аллергическая сыпь, тревогой, смешанной с каким-то особенно новым для нее чувством – вкусом пугающей эйфории. Илона еще ни разу в жизни так дерзко с Колей не разговаривала. Конечно и раньше были случаи, когда она язвила и всячески пресекала попытки ухаживаний, но сегодня, ее колкости вышли на новый уровень неприкрытой неприязни.

При том, что сказанное в лицо, безусловно точно сошло ей с рук. Да таким образом, что из неприятного разговора девушка вышла победоносным героем. И ей, как всякому победителю, то чувство понравилось. Находясь за стеклянной дверью, Илона обратила внимание, как парень что-то крикнул в ее сторону и засеменял через дорогу, напрямик к майору, почему-то ставшему совершенно разгневанным. «Ну и поделом ему. Может жуткий полицейский научит его манерам?».

В отделе, как обычно, уже все девочки находились на своих рабочих местах, лениво помешивая напитки в домашних кружках. Нарочитая дисциплина. Проходя через ряды компьютерных мониторов, Илона клонила к полу, дабы оказаться незамеченной начальницей, сидящей за огромной партой в конце зала. Подобно средневековой горгульи, женщина охраняла свои готические владения, строго взирая на происходящее вокруг. Но как только девушка добралась до личного закутка, обрамлённого двумя «гэвээльными» стенками, послышался знакомый шорох. «Только не сегодня, блин». Химера оживала и пыхла, стараясь вылезти из тесного кресла, попутно расправляя свои демонические крылья.

– Очередное опоздание. В который раз за месяц. Вы, мадам, продолжаете нарушать установленный режим. Или таким образом вы специально выказываете свое недовольство

здешними правилами? – начальница умело сдобрила свою речь щепоткой презрения, чтобы наверняка сразить нерадивую сотрудницу. Она здесь власть, а Илона мелкая вошь, что надоедливо ползает где-то под ногами.

Илона виновато выпрямилась, оказавшись в ситуации, когда абсолютно все обратили на нее внимание. Укорительные взгляды коллег ласкали и укутывали клетчатым пледиком из фальши, отчего на лопатках и пояснице разгулялась неприятная зябкость. Язвительные и злорадствующие, «со товарищницы» умилялись, что именно она накосячила, получая порцию гневной тирады у всех на виду. Впрочем, совсем заслуженно. Начальница замолчала, видимо ожидая какой-то дикой истории про позабытый уют или вселенский потоп, вызванный ржавой сантехникой, но Илоне не хотелось выдумывать. Ее внутренний голос требовал, буквально молил, чтобы та высказала всю накопившуюся горечь от нахождения здесь. От сального лица начальницы, омерзительных рабочих обязанностях и отзывчивых коллегах. Прекрасный набор, чтобы искренне любить свою работу, выказывая всякий раз свое почтение и благодарность. За каждый полученный и лихо потраченный рубль на еду, квартиру и ежели повезет, когда в месяце меньше тридцати одного дня, то и на новую кофточку. Но поразмыслив, девушка предпочла декларировать правду.

– Меня задержали у входа. Между прочим – ваш нерадивый сыночек. Если бы не он, я пришла вовремя.

Наступил именно тот момент, когда говорят, что время остановилось. Мышки затихли, опустили головы в норки, утыкаясь лбами в пустые мониторы, откуда начальница наливалась праведным гневом. Никто и никогда не смел говорить, а тем более претендовать на ее единственное сокровище, зачатое в любви и рожденное в муках. Так что одно лишь упоминание о Коле строго каралось.

– Еще раз тебя с ним увижу – уничтожу. Услышала меня? Сегодня остаешься до вечера. И никакой премии, выскачка.

Начальница сорвалась с кабинета, от души хлопнув дверью, да так, что окна пошли звенящей рябью. Довести до бешенства своего личного врага и видеть, как она отступает с поля сражения – невероятное удовольствие. Илона за несколько минут уделала и сыночку, и мамашу. Практически одним выстрелом. Славная охота.

– Ты чего творишь? – подруга укорительно качала головой, шепча и оглядываясь, чтобы никто не заметил разговора. И не застучал куда следует. Ей совсем не хотелось заполучить лишних проблем.

– Да я чуть не описалась от страха. А затем от дичайшего восторга.

– Еще не ясно, чем это для нас обернется. Дура.

Говоря «для нас» – Оксана боялась за себя, естественно. И мнимое шефство над нерадивой подружкой буквально сразу склоняло голову перед страхом оказаться соучастницей, так что вещи своими именами не назывались. Илона

знала об этом и даже в какой-то мере привыкла к подобным формулировкам, что значительно упрощало коммуникацию. «Пусть выгораживает себя, как хочет». Подруга продолжала причитать, надевая на себя рабочую гарнитуру, готовая приступить к выполнению ежедневного плана. Илоне ничего не оставалось, как последовать ее примеру – начать обзванивать кипу должников по кредитным обязательствам.

Работать в банке – отстой. Как и все прочие действия, что связаны с холодными звонками клиентам, рискнувшим на договорные отношения с корпорацией зла. Когда девушка только устраивалась в бело-зеленую коробку из бетона, ей обещали комфортные условия за относительно плевое дело. Кадровичка лепетала о тепленьких, почти доверительных беседах по ту сторону телефонной трубки, да и вообще – никаких рисков и моральных страданий. Прямо человеческая исповедь между электрическими потоками телефонной сети. Ну огрызнутся пару раз, да прервут общение, не выслушивая обязательный в таких случаях монолог о задолженности, всего то. Но «на х*и», «пёз**» и другие физиологические отверстия Илону слали регулярно и на постоянной основе. От мала до велика. На что за годы работы у девушки выработался автоматизированный иммунитет. «Не я же нахапала кредитов на свадьбы, морские путешествия, стрипухи и новые тачки, а теперь, когда пелена роскошной жизни сошла, делаю вид, будто должны исключительно мне, но никак ина-

че». Так что все что Илона могла поделать – не терять самообладания и постараться помочь человеку преодолеть свои заблуждения. Иначе будет только хуже.

Хуже непременно становилось, если диалог с должником совсем не клеился, а его угрозы и словесные потоки брани крепчали. Тогда девушке приходилось заносить телефонные номера в базу отказников – группу людей, с кем никто не церемонился. Сначала их сводили с ума бесперебойные звонки с автоматическим напоминанием о просрочках, причем в любое время суток и в огромных объемах, несмотря на писанные законы, регламентирующие подобные действия. Ежели и это не помогало вразумить оппонентов, их контакты переходили на второй уровень. Под личный контроль коллекторской организации. Бравые парни переходили от дипломатических просьб к реальным действиям, причем всегда неправомерным. Горячительные коктейли Молотова, компрометирующие фотографии, украденные с «облака» или полученные иным путем, ну и телесные поощрения, куда без них. Жестоко. Но у коллекторов не находилось тоски и жалости, как и любви к ближнему своему. И первопричиной всех ущемлений выступала Илона. Та, что не смогла договориться. Что же – поработай в таких условиях и сам не заметишь, как «оскотинишься». Единственное, что еще останавливало девушку от увольнения – маленький договорчик со своей совестью о том, что кушать хочется всем без исключения. Иногда даже до той степени, чтобы добиться аво-

кадной комы от гуакамоле, приправленной пучком свежей кинзы и ароматными чилийскими перцами. Илона обожала авокадо и ненавидела свою работу.

Время до обеденного перерыва тянулось, тоскливо окутывая грезами о скором чревоугодии. Справившись с первой половиной от сотни предупредительных звонков, которые завершились привычным упоминанием ее матери, девушка вдруг спонтанно осознала, что все что она делает – ровным счетом никому не нужно. Никому. И как бы Илона не корила себя за то, что обрекает людей на страдания, как не пыталась войти в положение к тем, кто совершенно того не ценит, даже крайне скептичен с ее состраданием, как ни старалась действовать согласно совести в обход утвержденного регламента, вся ее деятельность сводилась к одному. Бесполезная трата времени. Тем более, что и благодарности за свои потуги она никогда не получала, лишь безлимитный разрушительный негатив. От клиентов и от начальства. «Так каков смысл вообще стараться? Объясните мне, где брать мотивацию, раз за разом выполняя режимные обязательства?». Если весь тот набор трудовых бонусов, как наплеватьство и бездушие к людям, слепое выполнение поставленных задач, выслуга перед начальством и прочие другие «прошивки» добропорядочного работника, ни что иное, как набор чуждых ей принципов. Всем плевать на Илону и ее внутренние терзания. А ей в ответ будет плевать на всех остальных

вокруг. На коллег, начальницу и глупых должников, что уверовали в свою правоту. Единственный, кто действительно в ней заинтересован – волнительный незнакомец, отправляющий сообщения в ее мессенджер. Совсем ее не знающий, но тем ни менее, способный докопаться до ее девичьей души. И он, черт возьми, был категорически хорош в своих проявлениях.

«А что нам, девочкам, нужно? Сама не знаю, но ты продолжай». Начатый диалог с отвратительной похабщины перерос в нечто большее, чем простое удовлетворение похоти в попытках испытать новые ощущения. Илона совсем не планировала терять самообладания, но незнакомец каким-то образом смог увлечь, зацепить за жабры вкусной приманкой из внимания. Вся необъятная вселенная одним взмахом сосредоточилась в рамках цифрового кода, где две уже родственные друг другу души обмениваются такими важными составляющими, как чувства. Неподдельные, искренние, настоящие. Когда кружится голова, с уст не сходит улыбка, а «эсэмэски» содержат орфографические ошибки только потому, что стараешься опередить его ответ, чтобы он ни в коем случае не заждался. И никуда не исчез из твоей жизни, даже на незначительное время. Ведь они на одной эмоциональной волне, строят нечто высокопарное и неодохотворенное, что нельзя пощупать, но то, в чем так необходимо нуждаются. А там, где есть душа, непременно появится плоть. То, с чего начинался прошлый вечер. «Как такое может про-

изойти всего за несколько часов? Не представляю даже, но ты продолжай».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.